

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И УЧЕНИЙ

Ю.П. Михаленко

DOI: 10.7256/1999-2793.2013.7.8834

АДАМ СМИТ: СТАНОВЛЕНИЕ УЧЁНОГО. Часть 1

Аннотация. Адам Смит волею судьбы получил блестящее и разностороннее образование: начальное — в родном шотландском городке Киркальди, а затем в университетах Глазго и Оксфорда. В 1759 он опубликовал свой первый значительный труд, принеший ему известность. Далее Смит читал лекции в отечественных университетах — по этике, праву, политике, экономике. В Глазго Смит принимал активное участие в работе первого в мире кружка политической экономии.

В 1764-1767 гг. Смит, со своим учеником, посетил Париж, где получил возможность расширить свой кругозор в общении с энциклопедистами, в том числе видными экономистами Кенэ и Тюрго. В 1767-1776 гг. Смит создавал свой основной труд «Богатство народов», опубликование которого принесло ему немеркнущую славу родоначальника классической английской политэкономии.

Смит не сумел до конца разрешить противоречие между двумя важнейшими категориями своих работ — альтруизмом и эгоизмом. Изучая историю образования, Смит в корне разошёлся с платоновской аристократической концепцией врождённого различия способностей людей, противопоставив ей демократическое представление об исходном природном их равенстве.

В этой работе нами учтены факты и мнения, приведённые в редакционной статье, помещённой в книге: Смит, Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов. Том 1. М.-Л.: Соцэкиз, 1935. С. VII-XX. (Сокращённо: «Богатство народов»). В названной статье мы находим острые постановки вопросов, которые не только заслуживают внимания, но в ряде случаев требуют критической оценки, пробуждая своего рода полемический задор.

Ключевые слова: философия, Глазго, Уатт, Юм, Питт, эгоизм, альтруизм, Протагор, Сократ, Платон, Аристотель.

Адам Смит (1723-1790) родился в шотландском городке Киркальди. Его отец был таможенным чиновником. Хотя отец умер до рождения сына, профессию отца нельзя игнорировать, считать случайным обстоятельством в судьбе его потомка. Отец умер, а семейная традиция сохранилась. Не упустим из внимания и воздействия наследственности на склонности и интересы будущего великого экономиста и социального психолога. В научных текстах Смита — сына часты ссылки на практику британских таможенных служб. Черпаемые из неё данные, исследователь обобщал в своих выводах. Заслуживает специального замечания и место рождения Адама. Конечно, он своим рождением прославил тот в остальном мало чем приметный городок. Но и сам Смит многим обязан своему месту рождения. В своё время великий русский писатель и педагог Лев Толстой подчёркивал, что основные душевные задатки человека формируются в первые 5 лет его жизни. Память о раннем детстве, как драгоценный клад, он пронесит через всю свою жизнь. Отражение этой па-

мяти мы находим в экономическом анализе Смитом сравнительного положения Англии и Шотландии в многообразных аспектах — производственном, торговом, финансовом и прочих. Развивая, обобщая этот подход, Смит распространил его на сравнение положения Великобритании и континентальных европейских стран, а затем вовлекая в анализ другие континенты и исторические эпохи. Так взросло, мужало мировоззрение учёного.

Обстоятельства были достаточно благосклонны к Смицу, открыв для него путь к основательному образованию. Ещё более, чем обстоятельствам, приобретёнными знаниями он обязан самому себе — способностям и усердию. Закончив школу в своём родном городке, Смит в возрасте 14 лет поступил в университет в городе Глазго и изучал здесь математику и натуральную философию. Своими успехами и прилежанием юный Адам обратил на себя внимание руководства университета, и оно оказало талантливому студенту своего рода честь, направив его, выходца из небогатой и лишённой знатности семьи, в аристократический Оксфордский университет. Однако

этот университет в условиях много — численных пертурбаций, связанных с революциями XVII в., превратился из центра учёности в рассадник реакции и мракобесия. Вспомним, что Оксфорд был одним из главных оплотов, из которых Карл I Стюарт повёл вооружённую борьбу против парламента.

Позднее Смит дал уничтожающую характеристику образовательной и политической атмосфере, царившей в те годы в этом образовательном заведении. Лекции, предлагавшиеся студентам, он признал вздорными, отношение к ним учащихся — весьма пренебрежительным. В политическом отношении Оксфордский университет в годы пребывания в нём Смита стяжал себе сомнительную славу средоточия так называемого «якобитского движения». Профессора возбуждали своих слушателей устраивать уличные шествия в пользу свергнутого «Славной революцией» 1688-1689 гг. короля Якова II Стюарта, восстановления господства этой династии. Серьёзной социальной почвы это движение уже не имело, и его следует отнести к тем аристократическим, феодальным пережиткам, против которых Смит неустанно боролся всю свою жизнь. Оксфордские демонстранты тщились хоть как — то уколоть утвердившуюся к тому времени на английском троне власть ганноверской династии, но эта власть предпочитала не принимать их всерьёз, следуя известной мудрости, заключённой в словах баснописца: «Ай, Моська, знать она сильна, коль лает на слона!» Таков один из эпизодов, характеризующих относительный прогресс демократических свобод, которых к тому времени достигла Великобритания. Другие примеры этого прогресса Смит приводит в своих сочинениях.

К слову: невольно приходит на ум определённая аналогия между той суетой оксфордских обывателей от науки и протестным движением в современной России. Люди сытые, материально хорошо обеспеченные, но недовольные своей незаметностью и отсутствием у них политического веса, выходят в Москве на Болотную площадь и куда — то ещё, устраивают стычки с полицией, чтобы произвести как можно больше шума. Таковы события, связанные со скандальными именами Сергея Удальцова, Константина Лебедева, Леонида Развозжаева и им подобных. Эта распущенность протестантов, допускаемая в известных пределах властями, тоже может рассматриваться как показатель прогресса современных российских демократических свобод. Но всякому терпению приходит конец. И, похоже, что российские протестанты «доигрались». Некоторым из них предъявлены серьёзные обвинения в организации массовых беспорядков и в связях с ино-

странными спецслужбами¹. Эту же тему Российская газета развивает в следующих своих номерах.

Вернёмся к Смицу. Он пробыл в Оксфорде 7 лет, где держался в стороне от политической суеты, жил уединённо, но даром времени не терял, приобретая новые знания. На него произвело сильное впечатление знакомство с сочинением Давида Юма «Трактат о человеческой природе». Значительно позднее Смит сблизился с автором этого трактата, и между ними завязались дружеские отношения. Смит в своих трудах нередко высказывался одобрительно о взглядах Юма, в том числе — экономических. Возможно, сближению этих мыслителей способствовало их шотландское происхождение. Юм родился в Эдинбурге. В 1748 г. Смит перебрался в Эдинбург, где читал лекции по риторике и литературе. В 1751 г. его пригласили в университет Глазго на кафедру логики. Как видим, основательность образованности и широта кругозора Смита начали приносить плоды. Его уже достаточно высоко оценили в научном мире, и он получал выгодные предложения. Кроме того, в ходе своей научной карьеры Смит приобрёл разностороннее знакомство со многими системами образовательных и научных процессов. Поэтому в дальнейшем, в своём главном труде он мог со знанием дела охарактеризовать образовательную систему Великобритании. И не только её. Его кругозор распространился много дальше. В 1755 г. Смит занял кафедру нравственной философии и читал лекции по этому предмету, который носил поистине энциклопедический характер, содержа такие разделы как теология, политика, право, этика. Кроме того, политика включала в себя и некоторые сведения из экономической науки.

В 1759 г. Смит опубликовал свой первый значительный труд под названием «Теория нравственных чувств». Это сочинение доставило автору широкую известность. В Глазго Смит пробыл до 1764 г. Это время признаётся весьма благотворным для его научного роста. Он наблюдал за бурным промышленным развитием этой части Шотландии. Здесь более, чем где — либо ещё в Великобритании, преуспевали железодельная и текстильная отрасли. Он познакомился с Джемсом Уаттом (1736-1819), который, подобно Смицу, тоже был прирождённым шотландцем. Уатт трудился над усовершенствованием изобретения Томаса Ньюкомена (1663-1729) — творца одной из первых моделей паровой машины, которая появилась в 1705 г. Нельзя считать случайным, что именно район Глазго, отличавшийся успешным хозяйственным развитием, стимулировал творче-

¹ Российская газета. 2012. 23 октября. № 244. С. 1, 7.

скую мысль таких изобретателей и учёных как Уатт и Смит. Смит живо интересовался делами Уатта и оказывал ему всемерную поддержку, организуя в его пользу общественное мнение.

Для своей работы Уатт создал в Глазго рабочую мастерскую. И вот цеховая корпорация города Глазго добилась того, чтобы на эксперименты Уатта в 1757 г. был наложен запрет. Смит не только высказался публично в пользу экспериментатора, но и исплопотал для него разрешение проводить опыты в университетской мастерской. Усовершенствованная машина Уатта увидела свет в 1769 г. От предшествующих моделей она отличалась принципом двойного цикла. Изобретатели паровых машин XVIII в. — ранние ласточки, предвестники промышленного и технического переворота. Как поётся в песне: «Англичанин — мудрец, чтоб работе помочь, изобрёл за машиной машину...». Смит, приветствуя и поддерживая этот процесс, проявил прозорливость, обоснованно ожидая, что появление новых изобретений позволит избавить работника от излишнего физического напряжения, повысит производительность труда, создаст условия для процветания национальной экономики и социального прогресса. Дельцы же, противодействовавшие работам Уатта, напротив, тормозили социальный и экономический прогресс в угоду своим узкоэгоистическим интересам, вековым цеховым привилегиям — остаткам феодального прошлого. Таких остатков ещё много сохранялось в британском быту. Они представляли собой разновидность монополизма. Смит всю жизнь боролся против монополизма всякого рода, отстаивая принцип свободы конкуренции, как наиболее пригодный для развития экономики. Реликтам прошлого Смит вынес обвинительный приговор в своём главном труде «Богатство народов», идеи которого проникли в умы прогрессивно настроенных деятелей и в немалой степени содействовали искоренению многого, что мешало полноценному буржуазному развитию.

В Глазго с 1740-х гг. существовал по имеющимся сведениям первый во всём мире и единственный тогда клуб политической экономии. А раз так, то само это обстоятельство свидетельствовало о том, насколько Великобритания обогнала в буржуазном развитии другие страны. С другой же стороны тот же факт указывал на назревшую острую потребность в прояснении теоретических проблем, поставленных этим развитием. Материальная нужда поощряла научный поиск. Классическая политэкономия была на подходе. Смит принимал самое активное участие в работе названного клуба, обдумывая узловые пункты своего фундаментального труда.

Ещё один поворот судьбы благоприятствовал обогащению кругозора будущего родоначальника английской классической политэкономии. В Великобритании в аристократических кругах существовал обычай посылать молодых людей перед их вступлением в самостоятельную жизнь путешествовать по европейскому континенту для ознакомления с языками и нравами различных стран. Молодой и неопытный человек, естественно, нуждался в трезвомыслящем и серьёзном наставнике. Случай свёл Смита с юным аристократом Берклеем, и его пригласили в качестве старшего спутника и ментора этого юноши. Их путешествие состоялось в 1764-1767 гг. Страной, доминировавшей тогда на континенте в политике и культуре, была, несомненно, Франция, и путешественники, как правило, устремлялись туда, словно в землю обетованную. Так случилось и на этот раз. Выгоды или — напротив — пороки, которые извлекает при этом путешественник, зависят от него самого — от его жизненной позиции, устремлений, характера и прочего. И впечатление таково: основные выгоды от путешествия — «пирог и пышки» — извлёк для себя наставник, а на долю воспитуемого остались «шишки». Сначала — о Смите. Он познакомился с выдающимися людьми своего времени, прежде всего с теми, кто был углублён в проблемы экономической теории, такими как Кенэ и Тюрго, не чуждыми идеям французского просвещения. Кенэ положил начало физиократической теории². Исследователи творчества Смита признают, что физиократическая теория оставила серьёзный отпечаток на взглядах Смита. Это видно, прежде всего, в признании земледелия коренной основой всего народного хозяйства и не только в этом. Но британский мыслитель критически преодолел физиократию и превзошёл её, развив более полноценную теорию, соответствовавшую быстро прогрессирующей буржуазной действительности своего отечества. Смит, в конце концов, создал свою собственную мощную и вполне оригинальную экономическую концепцию, во многих отношениях не утратившую актуальности поныне. Мы в этом неоднократно убеждаемся, вдумываясь в его утверждения. Маркс недаром признал Смита родоначальником классической английской политэкономии, а её в целом — одним из теоретических источников марксизма.

Теперь сделаем замечание о спутнике Смита в том памятном путешествии. И в этом отношении наблю-

² Мы разобрали его взгляды в статье: Михаленко Ю.П. Франсуа Кенэ – родоначальник физиократии // Философия и культура. 2010. № 7. С. 83-104.

дательный ментор сделал для себя некоторые далеко идущие выводы, которые, надо полагать, представляют в обобщённом виде не столько поведение юного Берклея, сколько в целом усвоенную аристократами манеру. Позднее, трактуя о проблемах отечественного воспитания и образования, Смит резко осудил барский обычай посылать сыновей путешествовать на континент. Он рассуждает следующим образом: родители предполагают, что юноша многому там научится. А что происходит на самом деле? В молодые годы трудно не научиться чему — то за 2-3 года. Смит продолжает: молодой человек в путешествиях «приобретает некоторые познания в одном или двух иностранных языках, — познания, впрочем, редко достаточные для того, чтобы он мог, как следует, говорить или писать на них. Во всех остальных отношениях он обыкновенно возвращается более тщеславным, более безнравственным и более неспособным к какому бы то ни было занятию или делу». Самые драгоценные годы жизни при этом тратятся на легкомысленный разгул, а полезные привычки, приобретённые за школьные годы, утрачиваются. «Отправляя своего сына за границу, отец избавляет себя, по крайней мере на некоторое время, от неприятности видеть своего сына шатающимся без дела, ни к чему не пристроенным и на его глазах идущим к гибели». Таков неприглядный итог, по убеждению авторитетного автора, следует из общего состояния системы образования в те времена в Великобритании³.

Расставшись с учеником и добровольно отказавшись от профессорской деятельности, Смит смог, наконец, уединиться в своём родном городке Киркальди и посвятить свои зрелые годы и возмужалые умственные силы обобщению и детальной разработке давно лелеемых экономических воззрений. На это ушли 1767-1776 гг. Чтобы избавиться от помех в виде житейской суеты, психологического давления и прочего, он скрывал род своих занятий от окружающих, даже достаточно близких, не обнаруживая до поры до времени, подобно опытному карточному игроку, того, что можно, образно говоря, назвать его «козырной картой». Друзья отшельника волновались. В частности Юм обратился к Смицу с письмом, в котором по-приятельски попенял ему за долгое молчание, отклоняя отговорки, касающиеся якобы расстроенного здоровья. Юм опасался, что лень Смица может причинить большой ущерб обществу, лишив читателей плодов

столь замечательного ума⁴. Юм любопытствовал и сетовал всеу. Дело заключалось не в лени Смица, и общество от его отшельничества не пострадало. Как раз наоборот. Всё прояснилось в 1776 г., когда Смит, в конце концов, «выложил на стол», свой «козырной туз». Именно тогда был опубликован его великий труд «Исследование о природе и причинах богатства народов». Ради краткости его величают попросту: Богатство народов. Названная работа увенчала немеркнувшей славой и её автора, и его отечество. О непреходящем характере этой славы свидетельствует хотя бы такой факт, связанный с именем знаменитой британской государственной дамы. Как помнится, это была премьер королевского правительства Маргарет Тэтчер, которую совсем недавно с подобающими почестями проводили в иной, лучший мир. Во времена правления в СССР Михаила Горбачёва у неё произошла беседа с российскими государственными деятелями, и она сумела достаточно тонко и с патриотической гордостью указать на взаимосвязь народов и культур Великобритании и России, процитировав слова Пушкина о том, что его литературный герой Евгений Онегин обладал многими достоинствами, а сверх того ещё «читал Адама Смита и был глубокий эконо́м, то есть умел судить о том, как государство богатеет, и чем живёт, и почему не нужно золота ему, когда простой продукт имеет». В дальнейшем нам представится возможность убедиться в справедливости отмеченного Пушкиным тезиса. Заметим, что Смит неоднократно указывает на роль России в международном разделении труда.

Итак, человечество получило щедрый дар в виде «Богатства народов»: глубокий анализ, систематическую, достаточно последовательную разработку экономических и социальных категорий, рассчитанных на освещение не только хозяйственной деятельности, но и всех аспектов общественной жизни в их тесной взаимосвязи. Заинтересованные люди, не лишённые образования, Прозорливые политики, бизнесмены с «понятием» и им подобные поспешили взять на вооружение преподнесённый им дар. Распространение новой теории, естественно, протекало неравномерно в разных странах — в зависимости от достигнутого ими уровня развития и процессов преобразований. Но всё же процесс пошёл, и его, как показали последующие исторические события, оказалось невозможным остановить никакой силой. Он принял, в общем и целом, необратимый

³ Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 2. М.-Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 297, 298.

⁴ Там же. Т. 1. С. X.

характер. Никакие временные отступления, поражения в результате мировых катаклизмов не в силах задушить этот процесс. Смит нашёл и пояснил для всех источник его жизнеспособности. Он заложен в самой природе человека, в неистребимой жажде каждого улучшить своё положение, стать зажиточнее. Человек уже в античности угадал отражение своей сути в образе мифологического Антея: злобствующие враги, казалось бы, повергли его навсегда в прах, но человек черпает мужество и новые силы в борьбе и идёт вперёд. Геракла же, способного поразить этого Антея, история не предусмотрела.

Как начинался процесс воплощения смитовского учения? Естественно — с Великобритании. Ведь оно — прирождённый продукт этой страны, которая к тому же значительно опережала другие крупные государства в буржуазном развитии. Англичане, шотландцы, ирландцы, иммигранты, прибывшие в страну в поисках лучшей доли, — все они получили в смитовском сочинении настольную книгу, своего рода экономическую библию, в которой могли вычитывать благую весть о своём социальном спасении, в определённом смысле — прозревать, открывая новые горизонты для мысли и предприимчивости. Люди отчётливее распознавали врага — многочисленные феодальные реликты — и желанные жизненные цели: свобода личности, хозяйственной деятельности, правопорядка и прочее. Можно ещё кое-что добавить о распространении влияния «Богатства народов». Историки единодушны во мнении, что мало найдётся других примеров, когда какое — либо отдельное сочинение оказало такое же воздействие на умы и общественную жизнь — сильное, широкое, устойчивое. Мы в XXI в. продолжаем впитывать его идеи. Немало останется и на долю наших потомков. Влияние Смита обнаруживается всюду, где пробивают себе путь рыночные отношения. Сочинение Смита поныне составляет необходимый фундамент всякого макроэкономического и социологического образования.

Ещё при жизни о Смите распространилась почётная молва как о «шотландском мудреце». Поистине и его имя Адам приобрело символическое значение. В той же мере, в какой ветхозаветный Адам признаётся пращуром человеческого рода, в такой и Смит стал родоначальником новой науки — буржуазной политэкономии, то есть её «ветхим Адамом». И такое величание небезосновательно. Этот мудрец обобщил и систематизировал не только достижения своих предшественников в науке, но и факты истории родного отечества. Это — в первую

очередь. А далее он отважился на подвиг исследования населённого универсума, вновь открытых стран и путей, старого и нового света: от Китая и Индии до Америки, как Северной, так и Южной; от заснеженной России до пламенной Индонезии. Как в песне поётся: «Морями тёплыми омытая...» Вот таков его творческий размах.

Тезисы смитовского учения политики цитировали в английском парламенте при обсуждении законопроектов. А лидер правительства вигов Уильям Питт Младший открыто провозгласил себя сторонником учения Смита. Пример лидера заразителен. Немало его политических сторонников последовало за ним и в этом случае. Но политика, как известно, требует изощёренной гибкости, искусного приспособления к быстро меняющимся обстоятельствам. Учение же Смита рассчитано на установление устойчивых положений, долговременных ориентиров для хозяйственной практики. В этом корень принципиальных расхождений между жизненными установками Смита, с одной стороны, и Питта с его вигами — с другой. Политически виги были ориентированы иначе, чем сам Смит. Во внутренней политике лидер вигов выказал себя ярким врагом попыток рабочих организовать в союзы для защиты своих прав на достойную зарплату и приличное существование. При этом он позволял себе произвольную, удобную для своих целей и враждебную в отношении рабочих, трактовку смитовского требования освобождения предпринимательской деятельности от излишних стеснений. Конкретно — речь шла оговоре между рабочими для оказания давления на предпринимателей посредством забастовок и сходных форм защиты своих интересов. Но сговор — обоюдоострое оружие. К нему прибегали и предприниматели в борьбе против рабочих объединений, радея о сокращении издержек производства, понижении зарплаты, повышении своих прибылей. Эта классовая борьба не могла на тот момент вестись на равных. Представители капитала — толстосумы — заседали в парламенте, а в правительстве их интересы защищали те же виги. Борьба же рабочих за свои права делала первые шаги к своему организационному оформлению. До серьёзных экономических и политических завоеваний ей было ещё ой как далеко. И тем не менее «Богатство народов» Смита заложило серьёзный теоретический фундамент для развития этой борьбы признанием рабочего класса равноценным участником экономических и социальных процессов, что обещало в более или менее отдалённом будущем неизбежное возрастание политического веса

рабочего класса и его объединений. Неудивительно, что Смит в противоположность Питту подчёркивал роль рабочего класса, как основной национальной производительной силы, и требовал гуманного и просветительского отношения к рабочим.

Во внешней политике Питт стяжал себе славу в своём отечестве в качестве успешного «военного министра, неустанно организовывавшего борьбу против исконного британского врага — Франции, особенно тогда, когда она стала революционной, а затем наполеоновской. Питт действовал достаточно хитро, предпочитая воевать чужими руками. Он поощрял континентальных соперников врага, снабжая их деньгами. Администрирование Питта пришлось на 1783-1801 гг. При нём англичанам удалось вытеснить французов из северной Америки и Индии⁵. Питт Младший умер в 1806 г. Следовательно, он успел с чувством национальной гордости испытать восторг после того, как англичане под командованием адмирала Нельсона в 1805 г. разгромили объединённый франко-испанский флот, посланный Наполеоном для завоевания Англии. Смит умер в 1790 г. До национального триумфа 1805 г. он не дожил. Тем не менее, он придавал первостепенное значение защите отечественной территории, а, следовательно, и укреплению английского флота, как главного средства самозащиты. Но, в основном, Смит был глубоко мирным человеком, полагая, что нациям гораздо полезнее торговать друг с другом, чем растрчивать свои средства и силы в агрессивных войнах. Особенно благоприятными Смит считал условия для взаимовыгодной торговли как раз между Великобританией и Францией. Франция близко расположена к английским берегам, и торговля с ней не требует больших транспортных расходов. Франция привлекательна для английской коммерции ещё и ввиду значительности её территории, населения и ресурсов. А это исключительно ёмкий рынок для британских товаров и прочих многообразных деловых интересов. Вот так мыслил Адам Смит.

Теперь обратим внимание вот на какой вопрос, который на первый взгляд может показаться мелким и незначительным. Но на самом деле он не лишён значения для понимания трактовки Смитом социальной проблематики. Речь — о различии между двумя трудами Смита «Теория нравственных чувств» и «Богатство народов» в одном специфическом отношении. Придирчивые критики отметили

одно примечательное противоречие⁶. В самом деле, в первой работе основное душевное качество, определяющее отношения между людьми, есть симпатия — врождённая склонность каждого человека сочувствовать окружающим и помогать им, особенно в случаях, когда те попадают в трудные жизненные ситуации. Из этого естественным образом вырастает солидарная сплочённость всех людей. Так, по Смицу, дело обстоит в сфере морали. И этот подход вполне согласуется с заповедями христианства, из которых одна из главнейших увещевает: «Возлюби ближнего, как самого себя»!

С другой стороны, в «Богатстве народов» Смит дал иную, явно противоположную предыдущей, трактовку психологической сути человека. Здесь он ведёт речь специально о хозяйственных делах и называет определяющим качеством в обращении каждого с окружающими чувство эгоизма. Впрочем, это не исключает, по Смицу, возможности успешного делового сотрудничества, партнёрства. Представляется, по меньшей мере, странным, что Смит не попытался «перекинуть мостик» между различными трактовками поведения человека, оставив эту задачу на долю комментаторов. Ну а тут как тут со своей разногласицей. И мы спешим присоединить свой голос к их хору и предложить свою гипотезу на сей счёт. Итак, у Смита найдено противоречие. Хорошо это или плохо? По нашему мнению, важно не противоречие само по себе, не его наличие, а кое — что другое, а именно: плодотворно оно или тлетворно. Мудрец Гегель завещал нам разыскивать всюду противоречия и под этим углом зрения оценивать окружающую действительность. Согласимся с ним в том, что прожить в этом мире без противоречий вряд ли возможно. Может быть в раю иначе? Как говорится, там и впрямь всё «тишь да гладь, да божья благодать».

По словам Гегеля, *das Widerspruch ist leitende*. То есть: противоречие ведёт. Так куда же оно ведёт в конкретном рассматриваемом нами случае?

Важно выяснить, почему Смит придаёт такое важное значение категории эгоизма. Проследим за его аргументацией. Он усердно проясняет этот вопрос, стремясь убедить читателя в своей правоте. Несомненно, что в этой жизни люди весьма зависимы друг от друга. Но много ли они приобретают близких, личных друзей? Трудность здесь, по Смицу, как раз в том эгоистическом чувстве, с которым человек подходит к окружающим. Вот его описание

⁵ История Великобритании / ред. К. Морган Кеннет. М.: Весь мир, 2008. С. 411-426.

⁶ Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 1. М.-Л.: Соцэкгиз, 1935. С. XI.

поведения человека, вступающего в деловые переговоры с нужными для него людьми: «Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них». Всякая сделка такова. «Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что тебе нужно». Нам свойственно приобретать взаимные выгоды на основе корыстных интересов сторон. «Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму, и никогда не говорим им о наших нуждах, а об их выгодах». Лишь нищий, замечает Смит, не чурается пользоваться подачками. Да и он затем добытую таким образом мелочь пускает в оборот, взывая к эгоизму булочника и других торговцев⁷. Заметим, что возвышенной поэтизацией коммерческой идеологии Смита могут послужить строки знаменитого русского поэта Валерия Брюсова из стихотворения «Юному поэту»: «Юноша бледный со взором горящим... никому не сочувствуй! Сам же себя полюби беспредельно!» Не противопоставляется ли здесь, отчётливо и резко, крайний эгоизм альтруизму?

Продолжим анализ смитовских положений. Прежде всего, уличим автора «Богатства народов» в новом противоречии, которого он поразительным образом не заметил. В отношениях со своими контрагентами, по Смицу, мы «никогда не говорим им о наших нуждах». А несколькими строками выше он утверждал прямо противоположное: «Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что тебе нужно». Противоречие очевидно, но оно ускользнуло от внимания автора, как представляется, в силу его крайней увлечённости своей главной задачей: доказать решающую роль эгоистического мотива в экономических отношениях. Смит в данном случае не заслуживает серьёзного упрека, так как он причастен к возделыванию почти целинной почвы рыночной экономики, с трудом выкарабкивающейся из реликтовых пут позднего феодализма. Смит скорее заслуживает одобрения за своё смелое и решительное введение в общее рассмотрение и употребление нового экономического и психологического понятия эгоизма, которое начало упорно теснить религиозные покровы, маскировавшие суть человеческих отношений при капитализме. Эгоизм предпринимателя, его страсть к наживе должны были получить права гражданства в экономической науке и гражданских отношениях. И они их получили по воле Смита. Но к добру ли для человечества? Это большой и болезненный вопрос. Люди доньше

почти ежедневно убеждаются в том, сколь мощен названный фактор на рыночной почве. Носители эгоизма, порой доходящего до самого разнузданного шкурничества, с трудом сдерживаемые властями и правопорядком, неукротимо, почти неудержимо рвутся к наживе. Добропорядочные россияне с тоской наблюдали, как во времена ельцинской воровской приватизации рвачи — хваты расхищали государственную (бывшую советскую) собственность. А ныне многочисленные чиновники бесстыдно разворовывают миллиардами государственную казну. Прежде всего бросается в глаза непрерывно раскручивающееся уголовное дело «Оборонсервиса». Новые уголовные дела о казнокрадстве то там, то тут. Их почти ежедневно освещает «Российская газета» в своих текущих выпусках. Пример тех, кто правоохранителями надолго упрятан за решётку, слабо сдерживает закоренелых мошенников. Государственные миллиарды слишком обильны и притягательны. Негодяи изощряются в изобретении всё новых схем мошенничества. Крайние примеры массового шкурничества: бессовестная классовая эксплуатация и агрессивные войны, которыми переполнена история человечества. Но во всём этом Смит не повинен. Его задача состояла в том, чтобы прояснить природу экономического человека. И в это он проявил завидное усердие. Смит не преодолел всех противоречий в своих работах? Нельзя к новатору предъявлять чрезмерные требования. Достаточно того, что он дал мощный толчок дальнейшим исследованиям.

И всё же если не погрёков, то критики Смит заслуживает, как всякий серьёзный учёный. Идея эгоизма, как важнейшего хозяйственного стимула, видимо, потеснила в его сознании возможность отыскать тот «мостик», который критики не обнаружили между двумя его основными трудами, их ведущими категориями — симпатией, с одной стороны, и эгоизмом — с другой.

Но допустимо и другое предположение, а именно: Смит столь долго, упорно и всесторонне обдумывал механизмы хозяйственной жизни, что лично для него связь между эгоизмом и альтруизмом представлялась достаточно ясной, и он считал излишним останавливаться подробно на этом вопросе, предполагая, что его читатель, как человек образованный и здравомыслящий, способен сам самостоятельно понять, что здесь к чему. Во всяком случае, трактуя в «Богатстве народов» о многообразных социальных отношениях, Смит никогда не уклоняется от того, чтобы дать ту или иную нравственную оценку деятельности различных классов населения, общественных групп. В любой

⁷ Там же. Т. 1. С. 17.

теоретической сфере он готов учитывать влияние чувств симпатии и антипатии, приводить, в случае необходимости, в движение категории эгоизма и альтруизма, как равноправные, взаимодополняющие инструменты исследования. На каком же пути станем мы разыскивать эту ускользающую связь между такими невещественными предметами как эгоизм и альтруизм? Обратимся к интроспекции, наблюдению за собственным психическим миром, вспомним его развитие от первого пробуждения детского мироощущения до того более богатого содержания, которое мы накопили в своём сознании, достигнув зрелости. Именно этот приём доступен каждому здравомыслящему и образованному человеку. Так вот: дитя ощущает (соответственно инстинкту самосохранения), что его хрупкое бытие неотделимо от его ближайших родственников, прежде всего — от матери и отца. Так — при нормальных условиях. Тут почти невозможно отличить, где прирождённый эгоизм, а где столь же инстинктивная симпатия к ближним. Они по сути ещё не расчленены. Лишь постепенно, взрослея, ребёнок сталкивается с внешними враждебными силами, и в его душе против них пробуждается антипатия, которая со временем усиливается, формируя взрослого человека как эгоиста в отношении чужаков. Одновременно в человеке крепнет симпатия, чувство привязанности к своим близким, к тем, кто составляет его оплот в жизненной борьбе. Так происходит раздвоение личного мира на своих и чужих. Эти две части изменчивы в зависимости от интенсивности развития личности. В дальнейшей эволюции человек, не теряя связи с близкими, может приобрести корпоративных друзей, а заодно и врагов — соперников, как в своей корпорации, так и вовне. Индивидуальное сознание непрерывно эволюционирует, «обогащаясь» как более или менее осозанным крепнущим эгоизмом, так и альтруистическими наклонностями. В развитии индивида следует учитывать расширение его личной социальной практики, приобретаемое образование и многое другое. Например — наследственность, которая способна одарить личность какими — то талантами или обделить её ими, породить в ней избыток доброты или, напротив, злобности. Всё это так или иначе облегчает или затрудняет общение человека с окружающими.

Взглянем на проблему ещё шире. Представим себе, как та или иная личность рано или поздно приходит к осознанию своего места в пределах своего отечества, а затем утверждает в определённой позиции в отношении иностранных держав. Обратимся к примерам. В 1588 г. Испания направила к берегам Великобритании огромный флот,

напыщенно названный «Непобедимой армадой». В трюмах испанских кораблей находилась армия вторжения, задача которой состояла в том, чтобы подчинить испанскому владычеству ненавистное английское королевство — главного соперника Испании на морях и в колониальной политике. И что же? В тот критический момент вряд ли кто из честных англичан не испытал обострённого чувства патриотизма ввиду необходимости отражения нависшей над страной угрозы. Англичане сплотились вокруг трона королевы Елизаветы Тюдор в единодушном порыве самоотверженности и готовности к борьбе. Королева лично прибыла в расположение своего войска, воодушевляя бойцов, готовых встретить врага. В патриотическом порыве англичан слились воедино любовь к самому себе (эгоизм) с привязанностью к отечеству (и королеве), с симпатией к соотечественникам. Подобное настроение умов и сердец привело к победе. Враг не смог высадиться на британский берег. Английские моряки доказали своё превосходство над испанскими. «Непобедимая армада» была разгромлена, и её остатки позорно бежали.

Аналогичная ситуация, а, может быть, и ещё более грозная, сложилась в 1805 г. Новый претендент на мировое господство Наполеон Бонапарт видел в Великобритании основную препону на пути своих грандиозных замыслов. И вот он сосредоточил на севере Франции огромную армию вторжения, а чтобы обеспечить её бросок через Британский канал, Бонапарт направил к английским берегам мощный франко — испанский флот. И снова из этой затеи не вышло ничего путного. Франко — испанский флот был разгромлен англичанами у мыса Трафальгар. Командовавший наполеоновским флотом адмирал Вильнёв застрелился, не вынеся позора поражения. Смит в «Богатстве народов» неоднократно указывает на источники военно-морского могущества Великобритании: капёрство, бурное развитие морского военно-торгового судоходства, рыболовства и прочих морских промыслов, что позволило военно-морскому флоту постоянно располагать избытком опытных моряков, готовых к выполнению боевых задач. Патриотизм в выполнении этих задач неизменно присутствовал как один из важнейших факторов успеха. Но с другой стороны, тот же патриотизм всегда ли свободен от национального эгоизма? Хорошо известно, как эта самая Великобритания во времена Питта Младшего (1759-1806) и в ходе Второй мировой войны при Уинстоне Черчилле была гораздо загребать жар чужими руками.

Бонапарт же после трафальгарского поражения двинул свои войска на восток против других своих антагонистов — Австрии, Пруссии и России, что привело его сначала к триумфу Аустерлица, а затем к постепенному истощению государства непрерывными завоевательными войнами, бесславному походу 1812 г. в Россию, и общему краху его агрессивной политики в 1815 г.

В нижеследующей части своей статьи мы рассмотрим трактовку Адамом Смитом процессов, происходивших в исторической эволюции человечества, касающихся вопросов образования, воспитания, науки. Он не мог пройти мимо такой животрепещущей темы. И не мудрено. С тех пор, как общество достигло известной степени развития, правители усматривали в качестве одной из первейших задач идеологическую обработку населения. Они пеклись о возвращении такого человеческого материала, который бы соответствовал устойчивости социальной структуры. В ходе исследования Смит неизбежно сам проходил процесс самообразования. Легко представить, как он прикидывал, что именно в прошлом получше, а что похуже, пригодно ли нечто для него лично, для его отечества, для человечества в целом в том XVIII в. Мысленный взгляд на эту проблематику позволит нам постигнуть немало дополнительного из тайны становления Смита как учёного. Важно ещё вот что: Смит творил, исследуя проблемы человека, в условиях развития рыночной экономики, под углом потребностей её совершенствования. Мы — россияне — в начале XXI столетия живём в сходных условиях утверждения рыночных механизмов, сравнительно недавно сбросив путы советских методов тоталитарного регулирования. Все оттенки трактовки Смитом проблем человека нам не только идейно созвучны, но и практически полезны. Человеческий потенциал, высокий образовательный уровень самодеятельного населения — это важнейший предмет заботы всякого уважающего себя и уважаемого другими государства. Этот уровень не в последнюю очередь определяет оборонную мощь государства, а затем и всё прочее, в особенности же его конкурентоспособность в современном мире глобализма. Так будем учиться у Адама Смита тому, чему он нас может научить!

Изучая исторические формы воспитания и образования, Смит весьма обоснованно обращается к истокам европейской цивилизации, в первую очередь — к опыту классической Греции, а затем и древнего Рима. В республиках Эллады, по

его замечанию⁸, все свободнорождённые юноши смолоду были обязаны проходить подготовку под контролем властей, занимаясь спортивными упражнениями и мусическими искусствами. Под мусическими искусствами понималось всё, что пользовалось покровительством муз и бога Аполлона. Подчеркнём важное обстоятельство: сочетание физического развития с духовным имело цель воспитать всесторонне развитого человека, достойного представителя своего государства. Хорошо бы и нашей российской системе воспитания и образования устремиться мечтой к такой же возвышенной цели. Дай то Бог!

В античности речь шла, прежде всего, о физической подготовке, от которой зависела безопасность отечества. Полноценный физически человек предназначен был для того, чтобы мужественно переносить трудности и опасности военной службы, особенно в условиях реальной войны. Добавим, что для физических упражнений существовали специальные помещения — гимнасии. Кроме того, греческие города — государства объединялись для проведения общих соревнований в силе и ловкости. Самые знаменитые из таких соревнований — Олимпийские игры. Соревнования достигали двойной цели. С одной стороны, они подхлёстывали дух соперничества и жажду превосходства. Но с другой — они же воспитывали, укореняли чувство общеэллинской солидарности. И это чувство играло свою бесценную роль в защите Эллады, на протяжении длительного времени от угрозы порабощения враждебными иноземцами. Прекрасную традицию Олимпийских игр у древних греков переняло современное человечество.

Смит с удовлетворением отметил, что цель подготовки греческими государствами доблестных воинов, готовых не щадить ни сил, ни самой жизни для защиты отечества, была успешно достигнута. Ссылаясь на известные ему источники, он вполне справедливо утверждает, что греческое войско периода классической античности «было одним из лучших» из всех когда — либо существовавших⁹. Блестящим подтверждением этого вывода служит решительная победа греческих государств в той длительной и ожесточённой войне против несметных полчищ персов, цари которых притязали на мировое господство. Речь — о греко-персидских войнах, сотрясавших эллинский мир в 546–466 гг. до н.э.¹⁰

⁸ Там же. Т. 2. С. 298.

⁹ Там же. Т. 2. С. 298.

¹⁰ Хаммонд Николас. История Древней Греции. М.: Центрполиграф, 2003. С. 194 и далее.

К сожалению, военно-политическое единство древнегреческого мира было нарушено, когда после завоёванной победы вожди, преисполнившись амбиций, толкнули свои города — государства к междоусобной братоубийственной Пелопоннесской войне (431-421, 419-403 до н.э.), в которой греки истребляли и разоряли друг друга на радость своим врагам. Это привело к всеобщему кризису древнегреческого мира, его крайнему истощению и завоеванию сначала Македонией, а затем великодержавным Римом. Теперь поведём речь о мусическом воспитании. Здесь древние греки тоже создали завидные культурные традиции. В духовном развитии эллины сыграли важнейшую роль мифы, в которых человек учился в своём воображении подчинять себе силы природы. На этой почве возникла великая древнегреческая литература, прежде всего эпические произведения Гомера, а затем трагедии Эсхила, Еврипида, Софокла и прочее. Мусическое образование эллины включало в себя также занятия музыкой и пением. Характерно, что эллины отправлялись в поход под музыку флейтистов, а перед сражением они пели специальные гимны в честь богов, полагаясь на их могущественную поддержку. Посредством занятий музыкой и пением власти не без успеха стремились облагородить душевный склад человека, смягчить его характер, воспитать в нём склонность и пригодность к исполнению многочисленных обязанностей, характерных для общественной жизни. Предполагалось, что гражданину должна быть свойственна гордость от сознания того, что он — носитель самой передовой для своего времени культуры. Показательна в этом отношении историческая эволюция значения слова «варвар». Первоначально греки всего лишь отделяли этим словом себя от иноземцев. Оно означало просто «неэллин», что не исключало допущения того, что неэллин по своим умственным и нравственным качествам может быть вполне признан равным эллину. Но вот ко времени Аристотеля произошла существенная деформация в умонастроениях, и термин «варвар» приобрёл уничижительный смысл в отношении чужеземцев, принижающий их по сравнению с греками, допускающий правомерность и нравственную оправданность их порабощения. Когда под руководством Александра Великого объединённое македонско-греческое войско двинулось на завоевание Востока, греки сознавали себя носителями передовой культуры и реально несли её с собой, породив эпоху эллинизма. Даже тогда, когда классический греческий мир пришёл в упадок военно-политического характера и Греция волею судеб подпала под власть великодержавного Рима,

Эллада ещё на протяжении достаточно длительного времени продолжала оставаться культурным центром западной цивилизации и могла этим гордиться. Высокопоставленные римские деятели охотно посещали покорённые знаменитые города, особенно — Афины, изучая греческий язык, литературу, ораторское искусство, философию, и могли при случае блеснуть теми знаниями, которые они, в большей или меньшей мере смогли усвоить.

Сравнивая исторические процессы в сфере образования и воспитания в древних Риме и Греции, Смит отмечает, что римские военные упражнения на Марсовом поле служили той же цели, что и греческие занятия в гимназиях и на стадионах, а именно — подготовке боеспособных граждан¹¹. И служили этой цели весьма успешно, судя по тому, что именно Рим, вопреки временным неудачам и поражениям, создал мировую державу, в которой Греции было отведено достаточно скромное, хотя и почётное место. Смит полагает, что нравственный уровень римлян в частной и общественной жизни был не ниже, чем у современных им греков. Своё мнение он обосновывает ссылкой на сообщения таких знаменитых писателей как Полибий и Дионисий Галикарнасский, которые хорошо знали нравы как римлян, так и эллинов. Но Смицу пришлось признать, что в сфере духовного творчества — в литературе и тому подобном — во всём этом римляне сильно уступали грекам¹². Впрочем, он не одобряет склонности греков к танцам, расценивая их как пережиток ветхой древности.

Смит продолжает сравнивать обычаи двух классических народов в сфере образования, отметив, что государство нигде не оплачивало уроки, на которых дети приобретали знания, обучаясь чтению, правописанию, счёту и прочему. Уроки проводили домашние учителя. Часто это были рабы или вольноотпущенники. Такие учителя к тому же иногда открывали частные школы, в которых за известную мзду готовы были передавать знания желающим. Так возникло учительское ремесло и особое профессиональное сословие педагогов. Смит не устаёт подчёркивать, что заботы об обучении детей власти целиком оставили на усмотрение их родителей или опекунов. Но дело сдвинулось с мёртвой точки, и вот каким образом. Смит называет важным шагом в изменении отношения государства к народному образованию одно положение в постановлениях афинского за-

¹¹ Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 2. М.-Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 298.

¹² Там же. С. 299.

конодателя Солон¹³. Согласно этому положению, дети, повзрослев, освобождались от обязанности содержать своих состарившихся родителей или опекунов, если те в своё время не проявили должной заботы о том, чтобы эти самые дети были обучены какой — либо полезной профессии или ремеслу. Мы посвятили характеристике значения законов Солон для развития эллинского общества статью «Трудное рождение древнегреческой демократии. Драконт и Солон»¹⁴.

Смит совершенно справедливо указал как на важнейший прогрессивный переломный момент в истории древнегреческой цивилизации, в развитии её культуры, прсветительства на появление философов и философских школ. Этот переломный момент знаменовал решительную попытку перейти от дряхлеющего мифологического мировоззрения к рациональной трактовке всех явлений естественного и общественного мира. Перелом этот не был лёгким. Государство в лучшем случае терпело философов, да и то далеко не всегда. Спрос на философию и риторику, замечает Смит, первое время был столь невелик, что учителя, посвятившие себя этому занятию, как профессии, не могли найти для себя постоянной работы на одном месте и потому были вынуждены бродить из одного города в другой в поисках учеников. «Так жили Зенон Элейский, Протагор, Горгий, Гиппий и многие другие»¹⁵. С развитием гражданской жизни, ростом цивилизованности, спроса на знание и умение школы философии и риторики утвердились в качестве постоянных сначала в Афинах, а затем и в некоторых других городах. Причём государство в поддержке этих школ, как правило, редко шло далее предоставления некоторым из них определённого места в черте города и помещения для занятий. Например, Афины уступили Платону место для Академии, а Аристотелю — Лицей (Ликей). Места и помещения для занятий предоставлялись также частными жертвователями. Известен прекрасный пример Эпикура (342-270 до н.э.). Он — сын афинянина. Учился и преподавал в различных городах. В конце концов, основал в Афинах собственную школу в 306 до н.э. в купленном для неё саду. Школа прославилась как Сад Эпикура. После кончины основателя по его завещанию сад

стал собственностью школы. И многие поколения учеников, усвоившие принципы учителя, сохраняли о нём благодарную память как о наилучшем учителе жизни.

Как уже отмечалось, власти не выплачивали учителям философии и риторики какого-либо жалования с целью поддерживать учёность в своих городах. Но и в этом отношении наметились перемены. Они возникли в правление философствующего римского императора Антонина. Этот государственный деятель родился в 86 году нашей эры. Он был усыновлён императором Адрианом и сменил его на императорском троне. Марк Антонин правил империей в 138-161 гг. Так вот этот государь назначил пожизненную пенсию одному понравившемуся ему философу. Но помимо этого у Антонина имеется ещё одна немаловажная заслуга перед философией. Следуя примеру своего усыновителя, он тоже усыновил одного достойного юношу — Марка Аврелия (121-180), который стал императором в 161 году. Марк Аврелий прославился в качестве философа на троне.

Смит продолжает: в древности не существовало таких понятий как учёная степень или диплом об образовании. Учеников привлекало к преподавателям философии и риторики сознание выгоды, которую овладение этими дисциплинами способно принести в общественной жизни¹⁶. Далее учителя, со своей стороны, не пользовались какой-либо юридической властью над учениками, помимо предположительного влияния на них в том случае, если они обладали естественным благородством и внушали окружающим уважение и стремление себе подражать. Но это бывало не всегда так, а только в том случае, когда уроки учителя и его личный пример в качестве доброго семени падали на благодатную душевную почву ученика, ещё не испорченного дурным окружением и порочными задатками. Но случалось, что наилучший учитель оказывался не в состоянии искоренить пороки своего ученика. Пример: взаимоотношения Сократа и его незадачливого ученика Алкивиада. Сократ — основатель высоконравственного учения. Он и в своём учении и в образе личной жизни явил миру — современникам и всем последующим поколениям — образцы высокой добродетели. Поучения Сократа приходили слушать ученики разного разбора и достоинства. С одной стороны, на сократовских беседах воспитались, возмужали и стали великими людьми Платон и Ксенофонт, составившие славу Эллады

¹³ Там же.

¹⁴ Михаленко Ю.П. Трудное рождение древнегреческой демократии. Драконт и Солон // Эдип. 2008. № 1 (4). С. 60-69.

¹⁵ Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 2. М.-Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 300.

¹⁶ Там же. Т. 2. С. 300.

и всего человечества. Но вместе с тем в беседах с Сократом принимал участие ещё один афинянин — Алкивиад (450-404 до н.э.). Этот юный честолюбец, хотя и причислял себя к ученикам Сократа, оказался совершенно чуждым принципам учителя. Его главное жизненное устремление состояло в том, чтобы любыми средствами достичь высокого положения в обществе. Алкивиад обладал рядом блестящих качеств, среди них — знатное происхождение и богатство, физическая сила и внешняя привлекательность, смелость, красноречивость, позволявшая ему склонить афинский народ к целям, которые были удобны лично ему. К сожалению, этот честолюбец был лишён сдерживающих нравственных начал, и его бурная деятельность в качестве политика и военачальника принесла его родному городу много бед. Эта деятельность пришлась на время Пелопоннесской войны (431-421, 419-403 до н.э.), в которой в борьбе за гегемонию Афины насмерть схватились со спартанцами, получавшими поддержку персидской монархии.

Обратимся к свидетельству Плутарха. Сократу своим авторитетом учителя какое-то время удавалось сдерживать дурные наклонности своего непутёвого «ученика». Но Алкивиад, бесконечно волнуемый страстями, убежал от сильной флотнадзора учителя и тогда предавался самому необузданному разгулу — пьянству, сладострастию и многому другому, что оскорбляло заповеди учителя и законы родного города. Не гнушался он и святотатством. Его обвиняли в разрушении статуй бога Гермеса. По словам Плутарха, из всех страстей, бушевавших в груди Алкивиада, «самой пылкой была жажда первенства»¹⁷. И вот куда она его завела. После смерти Перикла афиняне остались без авторитетного руководителя. И Алкивиад этим немедленно воспользовался. С помощью ловкой демагогии и интриг он сорвал заключение почти готового мирного договора между Афинами и Лакедемоном. Далее, мечтая быстро возвыситься и обрести славу, он же убедил соотечественников нанести спартанцам удар в Сицилии, где у тех были союзники, а для этого послать туда сильный флот, начальство же над флотом поручить ему — Алкивиаду. Сократ, не предвидя ничего хорошего от этой авантюрной затеи, выступил против, но его никто не хотел слушать. Экспедиция в Сицилию и впрямь закончилась полным провалом — катастрофическим поражением афинян. Страшась

афинского суда и спасая свою жизнь, Алкивиад не нашёл ничего лучшего, как сбежать к афинским врагам — в Лакедемон. Здесь он всячески стремился завоевать расположение спартанцев. С одной стороны, он проявил свойства хамелеона, надев на себя личину, угодную хозяевам, демонстрируя свойственные спартанцам нравы — скромный образ жизни, привычные для них упражнения и прочее. Не остановился афинский беглец даже перед прямым предательством в отношении родины, приняв на себя роль советника спартанцев, указывавшего им наиболее удобные пути и способы военных действий против своего отечества.

Но и в Лакедемоне Алкивиад не удержался, осрамившись в силу своей бытовой распущенности. Пользуясь тем, что спартанский царь Агид отбыл на войну, Алкивиад совратил его жену, и она родила ему наследника. Соблазнитель лелеял замысел, что его сын сможет со временем стать спартанским царём. Но Агид не признал этого ребёнка своим, и тщеславный замысел развратника развеялся как дым. Более того, теперь спартанцы намеревались убить Алкивиада, и ему пришлось срочно бежать, теперь — из Лакедемона. Он бежал на Восток. Здесь, после целого ряда новых приключений, Алкивиад очутился под властью персидского сатрапа Фарнабаза, и там его умертвили — по просьбе спартанцев^{18 19}. Память о «героях» такого рода историческая наука сохраняет недаром. Сейчас таких принято честить антигероями, опасными и беспринципными авантюристами, губительными и для себя, и для окружающих, и для общества в целом. Исторические факты взывают: люди, учитесь распознавать таких «алкивиадов» и своевременно их нейтрализовать.

Теперь взглянем на проблему взаимоотношений между властями и философами в классической Греции с той стороны, которая носит зловеющий характер. Эту сторону Смит не оттенил, может быть потому, что антиковедение в его время было развито не в той степени, что ныне. Но главных действующих лиц — философов — он неоднократно упоминает: Сократа, Платона, Аристотеля и других²⁰. Мы пополним его краткие намёки, опираясь на современные источники. Речь — о резком столкновении традиционной веры в олимпийских богов, которая была присуща массовому сознанию, с философским

¹⁷ Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т. Т. 1 (Алкивиад). М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 273.

¹⁸ Там же. С. 301.

¹⁹ Смит ссылается на авторитет Плутарха: Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 2. М.-Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 330.

²⁰ Там же. Т. 2. С. 298, 300, 330.

движением, признаваемым ныне, не без основания, античным просвещением, поставившим под сомнение привычные верования, ходячие предрассудки. Власть встала на защиту предубеждений толпы. Известно, что в последние годы правления Перикла афинское народное собрание приняло закон, приравнявший к государственному преступлению неуважительное отношение к отеческим богам. На основании этого закона была поставлена под угрозу жизнь Анаксагора, искавшего естественнонаучные объяснения небесных явлений, которым ходячая молва приписывала божественную природу. Периклу с трудом удалось защитить этого свободомыслящего учёного. Но Анаксагор всё же благоразумно поспешил покинуть поскорее Афины, удалившись от греха подальше. К другим независимым мыслителям судьба была менее благосклонна. Чанышев авторитетно свидетельствует, что вопреки своей славе, как культурному центру Эллады и окружающего мира, Афины «никогда не были свободным в мировоззренческом отношении городом»²¹. И исторические факты неумолимо подтверждают эту нелестную характеристику. И солнце не без пятен. Афинский суд нередко выносил путающие решения, заставляющие вспомнить о средневековой инквизиции. Согласно постановлению этого суда был казнён Сократ — светило философии — по надуманному обвинению в развращении юношества. (399 до н.э.). Об этом варварском и подобных ему решениях афинян мы вспомним, когда будем рассматривать сравнение Смитом судебных систем древних Греции и Рима.

Лучший ученик Сократа Платон опасался открыто и откровенно обсуждать вопрос о природе богов и призывал к крайней осторожности в этих вопросах в письмах к знакомым. Показательна история, произошедшая с античным просветителем Протагором, которого историки относят к софистам (мудрецам) старшего поколения. Протагор, как и Демокрит, происходил из города Абдеры. Демокрит зажёт в нём страсть к изучению философии. Но в отличие от Демокрита — материалиста и объективиста — Протагор прославился как сенсуалист и релятивист. Он выдвинул знаменитый тезис: «Человек — мера всех вещей»²². Этот тезис ставил в центр мироздания не традиционных богов, а человека, и побуждал мысль оценивать все законы, общественные институты и прочее под углом личного опыта и интереса. Прота-

гор объехал всю Элладу в поисках знаний и учеников. Смит упоминает о путешествиях Протагора и других мудрецов в своём труде²³. Протагор одним из первых стал взимать с учеников плату за обучение риторике и эристике, то есть искусству речи и спора.

Свой релятивизм он направил против традиционного богопочитания, утверждая: «О богах я не могу знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет», ибо этому мешают и неясность предмета, и краткость человеческой жизни²⁴. Это утверждение содержалось в сочинении философа «О богах», что дало афинским властям повод схватить автора и заключить его в тюрьму. Свободомысленное сочинение было публично сожжено. Протагора приговорили к смертной казни. Не методы ли это инквизиции? Мыслителю удалось бежать из тюрьмы. И всё же, покинув Аттику на корабле, он погиб во время бури на море. Религиозные ханжи могли злорадствовать в связи с этим, торжествуя, что нечестивец не избег кары, промысленной богами Олимпа. Обратим внимание на судьбу ещё одного выдающегося древнего философа — Аристотеля (384–322 до н.э.), у которого сложились весьма непростые отношения с афинянами. Смит проявил повышенный интерес к его деятельности²⁵.

В отношении Аристотеля с афинянами круто вмешалась связь философа с македонским царским двором. Аристотель родился в городе Стагира — на границе с Македонией. Его отец служил придворным врачом при македонском царе Аминте III. С его сыном и преемником Филиппом II Аристотель был знаком с детства. В 367 г. до н.э. Аристотель переехал в Афины, где изучал философские науки в платоновской Академии вплоть до смерти учителя в 347 г. до н.э. Аристотель покинул Афины, не желая иметь дело с преемниками Платона.

Вскоре македонский царь пригласил Аристотеля обучать эллинской мудрости своего юного сына Александра (356–323 до н.э.), которому в то время исполнилось 13 лет. Аристотель обучал его в течение четырёх лет. Александр проникся уважением к учителю, назвав его своим вторым родителем: «Царь отец дал мне жизнь, а учитель наполнил её смыслом»²⁶.

²³ Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 2. М.-Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 300.

²⁴ Чанышев А.Н. История древнего мира. М.: Высшая школа, 2003. С. 271.

²⁵ Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 2. М.-Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 298, 300, 330.

²⁶ Чанышев А.Н. История древнего мира. М.: Высшая школа, 2003. С. 364.

²¹ Чанышев А.Н. История древнего мира. М.: Высшая школа, 2003. С. 235.

²² См.: Платон, диалог «Протагор», 380 а.

В 338 г. до н.э. македонские войска под командованием Филиппа II нанесли грекам решительное поражение при Херонее. В этой битве Александр командовал левым флангом македонцев. Битва привела к потере независимости греческими городами, которые стали вассалами македонского царя и обязались принять участие в совместной борьбе против общего врага — персидской деспотии. Как известно, Александр Великий выполнил задачу разгрома Персии и распространения эллинской культуры на обширные вновь завоёванные территории. После битвы при Херонее Аристотель вернулся в Афины и основал здесь свою собственную философскую школу — Ликей. Здесь он с успехом преподавал в течение 12 лет. Но после смерти Александра Великого в 323 г. до н.э. и крушения его державы в Афинах произошло восстание против македонского владычества, и Аристотелю пришлось бежать, спасаясь от преследования. Руководство Ликеем он передал своему другу.

Верно это или нет, но некоторые источники передают, будто расставаясь с Атикой, Аристотель произнёс крылатые слова, что он не хочет, чтобы афиняне лишней раз согрешили против философии. Однако история рассудила по-своему. Злая судьба всё же не миновала мыслителя. Пути изгнанника привели его на остров Эвбею, где он заболел и скончался. Таким образом афиняне, если не прямо, то косвенно, всё же повинны в безвременной кончине и этого выдающегося философа (322 до н.э.).

Теперь обратим внимание на сходство в ряде принципиальных отношений учений Платона (427-347 до н.э.) и Адама Смита. Оба мыслителя стремились к поискам объективной истины, и им был чужд релятивизм софистов. Совсем немало важно совпадение их социальных и экономических подходов. Платон представил первую в истории западной экономической мысли развёрнутую трактовку проблем рыночной экономики, логически последовательную модель её возникновения и построения. Согласно Платону, в основе современного ему афинского общества лежало разделение труда²⁷. Благодаря разделению труда появились специалисты, которые в новых условиях сумели повысить производительность своего труда, а это в свою очередь позволило людям освободиться от материальной нужды, а обществу в целом — увеличивать своё богатство. Платон идёт дальше. Специализация труда работников и дифференциация

их занятий по принципу — каждый занят своим делом, не отвлекаясь на другие, — потребовали появления нового класса специалистов — купцов, торговцев, — выполняющих функцию посредников в обмене изделиями производителей. Так эти самые изделия становятся товарами, выносимыми на рынок. Разделение труда находит своё завершение, приобретая международный характер. А международная торговля имеет то важнейшее значение, что она не только обогащает участвующие в товарообмене страны, но ещё побуждает их поддерживать мир друг с другом. Лучше торговать, чем воевать. Война — пережиток времён дикости, ибо дикарям свойственна ненасытная страсть к захвату чужих богатств. Платон самым решительным образом осуждает агрессивные войны в своём знаменитом афоризме, полагая, что они — главный источник всех «частных и общественных бед»²⁸. Мы рассмотрели социальные взгляды Платона в своей монографии «Платон и современная антитеза либерализма и тоталитаризма»²⁹.

Смит полностью разделяет все платоновские положения о рыночной экономике. В «Богатстве народов» он, подобно Платону, начинает свой анализ с проблем разделения труда, как важнейшей категории, и затем распространяет его на все стороны общественной жизни — применительно к историческим обстоятельствам своего времени. И уж, конечно, Смит был противником агрессивных войн. Отметим позицию Маркса, который с равным вниманием изучал сочинения Платона и Смита. В первом томе «Капитала» Маркс ссылается как раз на вторую книгу платоновского диалога «Государство», где Платон толкует о проблемах рынка, прежде всего — о преимуществах, скрытых в разделении труда, которое позволяет при тех же затратах времени и усилий произвести больше изделий и лучшего качества. Маркс замечает, что этот способ повышения производительности труда характеризовал преимущественно мануфактурный период рыночной экономики³⁰. Эти слова сразу заставляют вспомнить об Адаме Смите, которого историки признают главным учёным, разрабатывавшим проблемы экономики мануфактурного периода. Маркс также отметил в качестве существенного для платоновской концепции то обстоятельство, что разделение труда составляет в

²⁸ Диалог «Государство» II 373 d – e.

²⁹ Михаленко Ю.П. Платон и современная антитеза либерализма и тоталитаризма. М.: Диалог – МГУ, 1998. С. 13.

³⁰ Маркс К. Капитал. Том 1. М.: Госполитиздат, 1949. С. 373.

²⁷ Диалог «Государство» II 369 b – c.

ней «основу распада общества на сословия» и потому является главным «принципом построения государства»³¹.

Таким образом, можно смело утверждать, что именно Платону принадлежит высокая честь: он сумел задолго до Смита охарактеризовать значение общественного разделения труда как важнейшего фактора его производительности и роста материального благосостояния. Трудно предположить, что Адам Смит, так или иначе, не сумел ознакомиться с сочинениями Платона. Они счастливо сохранились в бурном потоке времён и были крайне популярны и в эпоху Возрождения и позднее. Упомянем в качестве примера о Платоновской академии во Флоренции (1459-1521), которую основал Марсилио Фичино, ренессансный гуманист. Он переводил сочинения Платона на латынь и использовал их в борьбе против средневековой схоластики. Смит владел латинским языком, который изучал в Оксфорде. Но он не всегда ссылался на известные ему источники, хотя бы в силу их многочисленности. Так Маркс в сочинении «Немецкая идеология» обратил внимание на совпадение в ряде случаев взглядов Тюрго и Адама Смита и даже назвал Тюрго учителем Смита³².

Известно, что Смит во время посещения Парижа встречался с Тюрго, как и с другими передовыми французскими мыслителями, и многому у них научился. Но, тем не менее, Смит в своём «Богатстве народов» нигде не упоминает о Тюрго, трактуя о физиократической школе, хотя именно в работах Тюрго прогрессивные тенденции, характерные для концепций этой школы, достигли наиболее плодотворного развития.

Те пункты, в которых Тюрго предвосхитил Смита в экономической теории, мы охарактеризовали в своей статье «Тюрго: наивысший взлёт активности философов-экономистов в предреволюционной Франции XVIII века»³³. Речь идёт, прежде всего, о трудовой теории стоимости, под углом зрения которой объективным критерием стоимости каждого выставленного на продажу товара признаётся общественно необходимое время, требующееся для его производства, при удовлетворительном качестве. Существуют и другие интересные сходства. Следует признать, что

научные достижения предшественников Смита послужили для него важным исходным толчком, побуждающим вперёд. Но реальная основа, на которой расцвела его мысль, — это экономическая действительность Великобритании, а затем и всего мира. Смит сумел создать всеобъемлющую теорию, далеко уйдя от своих предшественников. Если его учение не лишено недостатков, то они коренятся в незрелости буржуазных отношений в мире, в том числе — и в его отечестве.

Выше мы установили сходство между оценками узловых пунктов рыночных механизмов у Платона и Адама Смита. Теперь взглянем на позиции, в которых те же самые мыслители совершенно очевидно сильно расходятся — вплоть до полной противоположности. Так, Платон полагал, что люди появляются на свет с определёнными врождёнными способностями, а процесс воспитания и образования предназначен для того, между прочим, чтобы выявить природные наклонности человека, что позволяет для каждого отдельного индивида найти самое подходящее место в общественном разделении труда — к выгоде, как самого индивида, так и общества в целом. Позиция Платона в вопросе о врождённых способностях людей безусловно аристократична. Она предполагает, что не всякий человек способен к выполнению высших форм общественной деятельности. В самом деле, всякий ли человек способен стать великим учёным вроде Ньютона? Или выдающимся государственным деятелем и полководцем, как Юлий Цезарь или Александр Македонский? Мы в настоящее время склонны присоединиться к убеждению Платона.

Вряд ли сейчас найдутся научные основания опровергать рассматриваемый платоновский подход. Но так было не всегда — и в старые, и в новые времена. В частности, Адам Смит высказал иное мнение в своём труде «Богатство народов». Он отдал предпочтение противоположному, чуждому платоновскому, мнению об исходном природном равенстве всех людей — в смысле их способностей. Смит полагал, что различия между людьми не столь существенны, чтобы одного человека нельзя было научить почти всему тому, что и любого другого. И в этом убеждении у него были предшественники уже в глубокой античности. То, что в данном случае Смит впадал в заблуждение, легко показать с помощью опровергающего примера. Способен ли всякий человек стать столь же великим композитором, каковым был Моцарт? А если у человека отсутствует музыкальный слух, то он вообще не сможет удовлетворительно музицировать. Известен

³¹ Там же. С. 374, 375.

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 530.

³³ Михаленко Ю.П. Тюрго: наивысший взлёт активности философов-экономистов в предреволюционной Франции XVIII века // Философия и культура. 2012. № 10. С. 153-154.

такой исторический факт. Недолго пробывший российским императором Пётр III (1761-1762) помимо ряда отрицательных качеств обладал по меньшей мере одним положительным: он прилично играл на скрипке. Хотя само по себе это свойство расценивается в обществе благожелательно, в судьбе несчастного императора оно сыграло зловещую роль. К несчастью для него его супруга Екатерина Алексеевна, которая стала вскоре вместо мужа императрицей Екатериной Великой (1762-1796), не обладала музыкальным слухом. И для неё супружеские скрипичные экзерсисы превращались в экзекуцию, в наказание, что-то вроде того, когда некто без устали скребёт ножом по стеклу. Вот это

и стало одной из многих причин нарастающей неприязни между супругами, завершившейся столь знаменательным разрывом.

Но мнение Адама Смита об исходном равенстве всех людей имело прочную социальную основу, пробивая себе путь из глубины веков к новому времени. Требование признания природного равенства всех людей — это духовное оружие и лозунг, начертанный на знамёнах тех, кто силился выбиться к лучшей жизни сквозь застойные социальные порядки. И в этом нам представится случай убедиться в дальнейшем.

Продолжение следует

Список литературы:

1. История Великобритании / ред. К. Морган Кеннет. М.: Весь мир, 2008.
2. Маркс К. Капитал. Том 1. М.: Госполитиздат, 1949.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 3. М.: Госполитиздат, 1955.
4. Михаленко Ю.П. Платон и современная антитеза либерализма и тоталитаризма. М.: Диалог — МГУ, 1998.
5. Михаленко Ю.П. Трудное рождение древнегреческой демократии. Драконт и Солон // Эдип. 2008. № 1 (4). С. 60-69.
6. Михаленко Ю.П. Тюрго: наивысший взлёт активности философов-экономистов в предреволюционной Франции XVIII века // Философия и культура. 2012. № 10. С. 140-155.
7. Михаленко Ю.П. Франсуа Кенэ — родоначальник физиократии // Философия и культура. 2010. № 7. С. 83-104.
8. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3-х т. Т. 1 (Алкивиад). М.: Изд-во АН СССР, 1961.
9. Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 1, 2. М.-Л.: Соцэкгиз, 1935.
10. Хаммонд Николас. История Древней Греции. М.: Центрполиграф, 2003.
11. Чанышев А.Н. История древнего мира. М.: Высшая школа, 2003.

References (transliteration):

1. Istoriya Velikobritanii / red. K. Morgan Kennet. M.: Ves' mir, 2008.
2. Marks K. Kapital. Tom 1. M.: Gospolitizdat, 1949.
3. Marks K., Engel's F. Sochineniya. Tom 3. M.: Gospolitizdat, 1955.
4. Mihalenko Yu.P. Platon i sovremennaya antiteza liberalizma i totalitarizma. M.: Dialog — MGU, 1998.
5. Mihalenko Yu.P. Trudnoe rozhdenie drevnegrecheskoy demokratii. Drakont i Solon // Edip. 2008. № 1 (4). S. 60-69.
6. Mihalenko Yu.P. Tyurgo: naivysshiiy vzlet aktivnosti filosofov-ekonomistov v predrevolyucionnoy Francii XVIII veka // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 10. S. 140-155.
7. Mihalenko Yu.P. Fransua Kene — rodonachal'nik fiziokratii // Filosofiya i kul'tura. 2010. № 7. S. 83-104.
8. Plutarh. Sravnitel'nye zhizneopisaniya: v 3-h t. T. 1 (Alkiviad). M.: Izd-vo AN SSSR, 1961.
9. Smit Adam. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov. T. 1, 2. M.-L.: Socekiz, 1935.
10. Hammond Nikolas. Istoriya Drevney Grecii. M.: Centropoligraf, 2003.
11. Chanyshev A.N. Istoriya drevnego mira. M.: Vysshaya shkola, 2003.